

- ²⁵ *Stender G. Fr. Lettische Grammatik. Bd 2. Mitau, 1798. S. 274.*
- ²⁶ *Gliks E. Tas jauns testaments. Riga, 1685. S. 69.*
- ²⁷ *Karulis K. Op. cit. 1 sēj. 350 lpp.*
- ²⁸ LD. № 33271.
- ²⁹ *Вольтер Э. А. Указ. раб. С. 63. № 14.*
- ³⁰ *Fehrle E. Op. cit. S. 164, 165.*
- ³¹ LD. № 32477.
- ³² *Спрогис И. Я. Памятники латышского народного творчества. Вильна, 1868. С. 67.*
- ³³ LD. № 28545; *Straubergs K. Op. cit.*
- ³⁴ LD. №№ 28551—28553.
- ³⁵ *Вольтер Э. А. Указ. раб. С. 76.*
- ³⁶ Там же. С. 75.
- ³⁷ LD. № 28074.
- ³⁸ *Einhorn P. Reformacio gentis Letticae in Ducatu Curlandiae. Riga, 1636. S. 623.*
- ³⁹ *Stender G. Op. cit. Bd 2. S. 120.*
- ⁴⁰ LD. № 8471.
- ⁴¹ *Вольтер Э. А. Указ. раб. С. 101.*
- ⁴² *Bruņenieks M. Ziemassvētki... 39 lpp.*
- ⁴³ См. там же.
- ⁴⁴ LD. №№ 33267, 33291, 33252.
- ⁴⁵ *Байбурин А. К. Семинотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сб. Музея антропологии и этнографии. № 17. Л., 1981. С. 215—226.*
- ⁴⁶ *Einhorn P. Op. cit. S. 621.*
- ⁴⁷ *Līdaks O. Op. cit. 158 lpp.*
- ⁴⁸ *Вольтер Э. А. Указ. раб. С. 17.*
- ⁴⁹ Там же. С. 88, С. 109, № 14.

Reconstruction of the ritual loci of the Lettish calendar festivals

Major Lettish calendar festivals are considered from the point of view of their ritual loci. Singling out of the ritual spaces is accompanied by descriptions of the rites themselves, the objects used and participants' attitudes to the whole event. Research of this kind could be useful in presenting folk calendar festivals by museums.

S. I. Ryzhakova

© 1995 г., ЭО, № 5

О. Р. Б у д и н а

ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У КОМПАКТНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ИНОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ

Развитие традиций домостроительства компактной этнической группы, оказавшейся в окружении других народов, своеобразно и связано с особенностями ее исторической судьбы. На формирование жилища такой группы влияют и природные условия, которые меняются (иногда не раз) в процессе миграций, и новые хозяйственные и социальные обстоятельства, в которые попадают мигранты и их потомки. Немаловажную роль играют также длительность проживания в инациональном окружении, близость этнической группы к новым соседям и наличие контактов с ними.

В данной работе делается попытка на основе анализа конкретного материала проследить характерные особенности в развитии народного жилища у оторвавшихся в свое время от основного этнического массива небольших групп того или иного этноса и их потомков, живущих в инациональном окружении. Нас интересует, существуют ли и каковы (если они есть) закономерности формирования традиций домостроительства у различных этнических групп.

Располагая данными (часть их была собрана в полевых условиях автором, другая почерпнута из этнографической литературы) о сельском жилище значительного числа таких групп, живших на территории СССР, мы систематизировали материал в зависимости от степени этногенетической близости между компактной группой и окружающим ее населением. В качестве примера могут быть рассмотрены компактные группы одних восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), живущих на основной этнической территории других восточнославянских народов, или же народов, принадлежащих к разным ветвям славян (например, группы болгар, поляков, чехов) и живущих среди восточнославянских народов. Неоднородная группа и ее окружение могут быть представлены, к примеру, балканскими выходцами неславянского происхождения (греки, албанцы, гагаузы), живущими среди украинцев и русских, или же русскими среди азербайджанцев, армян и др.

Здесь мы ограничимся рассмотрением ряда групп, исходя из указанных трех позиций близости их с окружающим народом или народами. При этом в первой части статьи будет рассмотрен конкретный материал по всем отобранным группам, а далее представлены выводы обобщающего характера.

Прослеживая развитие жилища, мы будем фиксировать внимание на следующих моментах. Во-первых, на выявлении ранних домостроительных форм, так как они обычно несут на себе следы традиций предшествующих поселений. Во-вторых, на становлении жилища той или иной группы после поселения на рассматриваемой территории. Это жилище — обычно результат как культурно-бытового взаимодействия с окружающим населением, так и приспособления его к новой экологической среде. В-третьих, мы обращаемся к жилищам 1960—1980-х годов, которые являлись составной частью бытовой культуры народов, входивших в состав СССР. В народном домостроительстве этого времени в той или иной мере сохраняются традиционные особенности древности, что важно зафиксировать, исходя из общей постановки темы.

Рассмотрение жилища будет строиться на базе его типобразующих признаков, т. е. признаков, которые легли в основу разработанной в этнографической науке типологии жилища, что позволит, в свою очередь, достигнуть сопоставления жилища изучаемых групп на типологическом уровне.

Начнем с групп, далеких в этногенетическом отношении от окружающего их населения. Это прежде всего компактные группы русских в Азербайджане и Грузии. Они появились здесь по большей части в XIX в. Переселенцы происходили из разных губерний России — в основном из южного и центрального регионов — и вынуждены были поменять места жительства вследствие религиозных гонений. Так в Закавказье появились молоканские, духоборческие и другие селения русских; иногда это было не первое место их переселения. В результате неоднократных миграций некоторые из этих групп русского народа оказались неоднородными по своему составу и месту первоначального выхода¹.

Первыми жилищами русских поселенцев на Кавказе, как часто бывает при переселениях, являлись землянки. Это одна из архаических форм жилища, которые нередко воспроизводятся в трудных жизненных ситуациях. Стены сооружаемых поселенцами строений выкладывались из камня или вырезанных пластов дерна; крыши делались земляными. Среди старожилов — наших современников — сохранились воспоминания, что в качестве первого пристанища в некоторых местах использовались нестационарные жилища². В с. Тамбовка (Ахалкалакский район), например, первую зиму провели в «кибитках». Рассказывая об этом, старожилы не могли объяснить, как были устроены эти «кибитки», но знали, что их ставили на возвышенности в один ряд и обкладывали толстым слоем сена³.

Переселившись в 1840-е годы в рассматриваемые районы, новые насельники сравнительно быстро отстроились и стали жить в постоянных и прочных домах. Среди таких домов, отвечавших, как видно, представлению их обитателей о необходимом жилище, определенное место занимали деревянные постройки. Несмотря на недостаток, а в некоторых местах отсутствие строительного леса,

деревянные дома в русских селениях на Кавказе были достаточно распространенными в конце XIX — начале XX в. В строительстве применялись ольха, тополь, дуб. Наряду со срубной конструкцией дома была известна и столбовая техника. Стены рубились по большей части «в угол с остатком» (встречалась и рубка «в замок»). Снаружи и изнутри они часто обмазывались глиной.

Например, в с. Ивановка (Исмаиллинский район) одноэтажный срубный дом представлял собой в то время наиболее распространенное жилище. Опубликованные в 1892 г. данные свидетельствуют, что в селении, имевшем тогда пять улиц, объединенных в три квартала, было всего 120 деревянных одноэтажных и 9 двухэтажных домов⁴. Некоторые из этих домов, а также построенных позднее, сохранились до наших дней. Они рублены «в угол» из нетолстых бревен (ивановские жители называли их «домами из труб»). Стены обмазаны глиной и побелены. Деревянные дома, как правило, дошли до нас в перестроенном виде. Выполненные из другого материала, новые помещения добавлялись к срубной постройке как для расширения ее, так и в качестве подведенного под нее нижнего этажа.

В Шемахинском районе (с. Хильмилли), где нам также удалось обнаружить срубные дома, деревянные постройки в начале XX в. составляли примерно треть всех жилых строений. Они были одноэтажными, срубленными «в угол» и обмазанными глиной снаружи и внутри⁵. Духоборческое население Ахалкалакского района строило срубные дома и на Молочных Водах — первом месте ссылки. В Закавказье они оказались в безлесных местах, однако в наиболее богатых селениях, например в Тамбовке, в начале XX в. также существовало некоторое число домов из деревянных брусьев, срубленных «в замок». Кроме того, там были известны и дома со стенами столбовой конструкции⁶.

Другими природными материалами, использовавшимися для сооружения стен, служили камень и глина. Из глины с добавлениями изготовляли сырцовый кирпич. (В некоторых местах кирпич формовали и высушивали исключительно из кизяка.) Для скрепления кирпичей и камня служил глиняный или известковый раствор. В каменных стенах делали также горизонтальные прокладки из деревянных балок или каменных пластин. Следует сказать, что некоторые приемы сооружения стен из этих материалов, например изготовление сырцового кирпича, были известны части переселенцев по предыдущему месту жительства. Вместе с тем во многом именно здесь происходило освоение новых технических приемов, которые постепенно все более распространялись. Об этом можно судить хотя бы по с. Ивановка, где преобладавшие в свое время деревянные дома к 1980-м годам практически были вытеснены домами из других материалов.

В вертикальном отношении жилище русских переселенцев тоже усложнялось постепенно. В конце XIX — начале XX в. дом, как правило, был наземным, одноэтажным. В домах имелся погреб, но не делался подклет. Фундаментом могли служить камни, деревянные столбы. Пол обычно был земляным. Двухэтажных домов строилось немного, они так же, как и дома с подвалом подо всем домом или его частью, выполнявшим функцию отдельного этажа, распространились позднее.

На покрытие крыши часто шли такие привычные для русских крестьян материалы, как солома и камыш. В начале XX в. богатые дома покрывались также черепицей. Вместе с тем применялось покрытие каменными плитами или слоем земли поверх других материалов. Такая крыша, обладавшая большой тяжестью, имела древнюю конструкцию — на столбах. Опиравшиеся на камни столбы вкапывали по центру всех поперечных, а также вдоль длинных стен (Ахалкалакский уезд). В целом же и в начале XX столетия и позднее преобладала стропильная конструкция крыши.

При достаточном разнообразии используемых материалов и строительных конструкций внутреннее устройство жилого дома в своей основе было аналогично во всех русских селениях данного района. Так, всюду имелась русская печь большого размера, которая ставилась у входа. По диагонали от нее находился передний угол. В молоканских селениях в переднем углу не вешали икон, там находился стол с лавками и полка, на которой лежала Библия. Таким образом,

общие для русского традиционного жилища признаки присутствовали в жилищах русских переселенцев и на Кавказе. Однако тип внутренней планировки, определяемый соотношением положений печи в доме, ее устья и переднего угла, в домах русских поселенцев был не одинаков.

Примечательно, что среди сохранявшихся в 1980-е годы домов конца XIX — начала XX в. нам встретились дома с северно-среднерусской планировкой. Один из них (в с. Ивановка Исмаиллинского района) представлял собой сруб из бревен — в прошлом «дом в одну хату». Позднее сруб стал основной жилой частью («передняя хата», «передняя»), к которой были пристроены другие помещения — выполненные в иной технике «задняя» и балкон с «хатенкой». В срубной части дома продолжала сохраняться большая русская печь. Она стояла у входа в это помещение и устье ее было обращено к окнам противоположной стены, выходящей на улицу. По диагонали от печи расположен передний угол со столом и лавками⁷. Другой дом, в с. Хильмилли Шемахинского района, примерно такого же возраста, был сложен из сырцового кирпича. Кроме жилого помещения («хаты»), он имел сени с выделенным чуланом. Печь большого размера ($2 \times 1,8$ м) располагалась справа у входа из сеней; устье ее обращено к фасадной противоположной стене, где находился по диагонали от печи и передний угол с широкими лавками и столом⁸.

Можно только предположить, что в однокамерных наземных домах, которые были распространены еще в первые десятилетия XX в., северно-среднерусская планировка была достаточно известна. Вместе с тем, принимая во внимание происхождение переселенцев, западнорусский, или украинско-белорусский, вариант внутренней планировки также должен был быть распространен в то время. В 1980-е годы расположение печи у входа, обращенной устьем к двери, прослеживалось во всех русских селениях на Кавказе. Кроме того, бытовали и другие варианты расположения печи. В Шемахинском районе, например, нашла распространение планировка, при которой печь, находящаяся посередине дома у длинной стены, была обращена устьем к заднему торцу. При этом около нее бывала выгорожена кухня, называемая «теплушкой». Высвобожденная от топки и работы по приготовлению пищи передняя часть дома становилась, таким образом, чистой половиной. Передний угол и в этом случае располагался по диагонали от печи в фасадной стороне дома.

В домостроительстве 1970—1980-х годов в русских селениях Закавказья (там, где оно продолжалось) можно усмотреть как много новых особенностей, так и черты, характерные для конца XIX — начала XX в. Например, набор материалов, используемых при строительстве дома, стал значительно шире, чем прежде. Это камень, кирпич (обожженный и необожженный), каркасные конструкции с применением глины и дерева. Постройки часто бывают комбинированными, причем в них используются материалы и целые конструкции, бывшие в употреблении, например старый сруб или нижний этаж из камня могут составлять часть дома.

Дома в это время преимущественно делали двухэтажными, имевшими большую площадь (некоторые достигали несколько сот квадратных метров). Это, безусловно, новое явление, как и обширные нижние (часто подвальные) помещения, используемые для разных нужд. Основное место в домах занимала «зала», которая служила для устройства коллективных трапез (на 150—200 человек), главным образом по случаю тех или иных семейных торжеств.

Русское жилище южной полосы, как и украинское, знало открытую неширокую галерею с одной, двух, а иногда и трех сторон дома. Однако балконы, называемые «балхон», в таком виде, как они существовали в 1980-е годы в русских селениях Закавказья, сформировались, по нашему мнению, именно на этой территории. Следует, тем не менее, сказать, что в начале XX в. балконов здесь в массе своей не было вовсе. В селениях, где развивалось строительство, такие балконы превращались позднее в застекленные веранды. Прямым, причем сравнительно недавним заимствованием была небольшая пристройка к веранде (типа коридора или тамбура), в которой оставляли обувь. Жители с. Ивановки, где

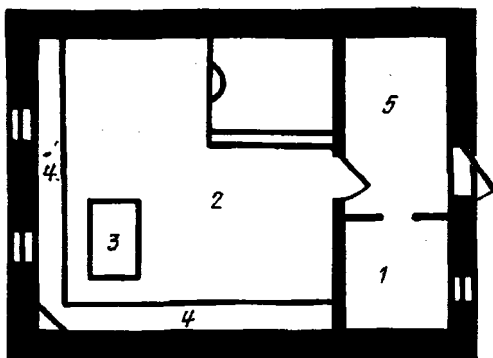


Рис. 1. План дома из сырцового кирпича северо-среднерусского типа у русских. Конец XIX — начало XX в. Село Хильмилли Шемахинского района Азербайджана. 1 — сенцы, 2 — хата, 3 — стол, 4 — лавка, 5 — чулан

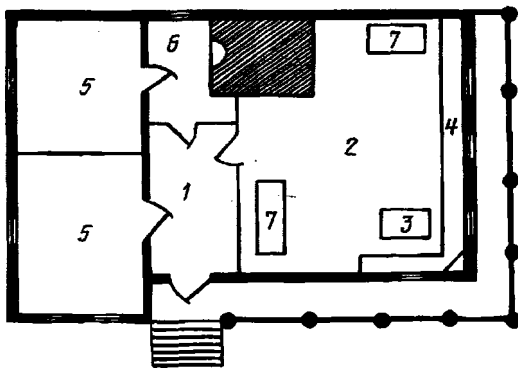


Рис. 2. План дома каркасной конструкции, обмазанного глиной, у русских. Конец XIX — начало XX в. Село Хильмилли Шемахинского района Азербайджана. 1 — сенцы, 2 — хата, 3 — стол, 4 — лавка, 5 — задняя хатенка, 6 — кухня (теплушка), 7 — кровать

практиковалась такая пристройка, сообщали, что переняли ее у азербайджанцев как рациональное новшество вместе с названием «башмахчихан».

Характер внутреннего устройства небольших строений сохранялся, и в них по преимуществу отмечается западнорусский, или украинско-белорусский, тип планировки. В многокомнатных обширных домах планировка была не столь четкая. Однако русская печь продолжала сохраняться повсюду, даже в тех единичных домах, где пользовались водяным отоплением и газовыми плитами. Она считается необходимой для приготовления лапши — традиционного блюда, без которого немыслимо ни одно сколько-нибудь значительное застолье, не говоря уже о свадьбе и похоронах. Кроме того, в некоторых местах продолжали выпекать хлеб в домашних условиях.

Примечательно, что в Азербайджане русская печь, которая является типом «домашнего очага» на огромной территории расселения разных народов, при выезде русской семьи или продаже дома представителям коренной национальности обычно разбиралась за ненадобностью.

К сохранившимся, хотя и локально, традиционным элементам русского жилища относится и деревянная домовая резьба. Украшение деревянных деталей фронтона и балкона лаконичным узором принято было в 1970—1980 гг., как и в начале XX в., например, в некоторых духовборческих селениях Ахалкалакского района⁹.

В известной мере похожая картина наблюдается и в развитии жилища русских совсем в ином регионе, а именно в Казахстане и в Средней Азии, где русские оказались также в окружении далеких в этногенетическом отношении народов¹⁰.

Обосновываясь в районах Восточного и Южного Казахстана, на востоке Узбекистана, в Прииссыкулье и других местах, русские в течение нескольких веков образовывали здесь свои поселения. Первые поселенцы устраивались сначала во временных жилищах — в шалашах и под навесами, которые делали из жердей, хвороста, соломы или камыша. Более основательными временными, однако рассчитанными на зимовку и более длительный срок, жилищами являлись землянки. Они обычно бывали частично углубленными в землю, со стенами из пластов дерна, с крышей односкатной глиносоломенной или двускатной (под соломой или камышом либо земляной) ¹¹.

Постоянное жилище, ставшее традиционным в новых местах обитания, различалось в разных районах, что было связано как с экологическими особенностями, так и с происхождением переселенцев.

В горных долинах и степных районах Восточного Казахстана получило распространение бревенчатое жилище, срубленное «в угол» (иногда «в крюк») из лиственницы, пихты, сосны или кедра. Рубленые из пластин или горбылей хвойных пород дома строили в Прииссыкулье, правда, в основном после разрушительного землетрясения 1910 г. В беслесных краях бревенчатые дома, иногда обширные крестовики, сооружали лишь люди со значительным достатком. Наибольшего же распространения достигли здесь дома из сырцового кирпича, литья при помощи опалубки, а также из дерна и камыша. Примечательно, что процесс сооружения литого дома у русских назывался «отлить сруб» ¹².

Подклет — обычная принадлежность северного и среднерусского жилища — оказался воспроизведенным лишь в горных районах Восточного Казахстана (у бухтарминцев), где сохранялись традиции севернорусского строительства ¹³. Там делали деревянный пол. В остальных местах у русских в Средней Азии и Казахстане бывало либо земляной, либо глинобитный пол, что, с одной стороны, соответствовало домостроительным традициям тех мест, откуда пришла часть переселенцев, с другой — более теплomu климату нового места обитания. В этих краях дощатый пол распространился значительно позднее, причем первоначально его делали не во всем доме.

Форма, конструкция и покрытие крыши в русских селениях среднеазиатского региона были весьма разнообразными, как, кстати, и в Европейской России. В горных районах Восточного Казахстана делали двускатную на стропилах и высокую шатрово-тесовую кровлю. В местах, где выпадало мало осадков, преобладали низкие двускатные или односкатные крыши, чато земляные. В Южном Казахстане и на востоке Узбекистана бытовала четырехскатная, с выступающими за пределы стен краями кровля; здесь она служила либо навесом, либо вместе с деревянными столбами образовывала галерею перед домом.

Подобная конструкция, как известно, была характерна для части южнорусского и украинского традиционного жилища. Дом с айваном (навес перед фасадом дома) типичен для народного зодчества Средней Азии.

Внутреннее устройство дома в русских селениях Средней Азии и Казахстана, где сохранилась русская печь (правда, нередко модифицированная) с четко фиксированным положением переднего угла, сохранило свои традиционные особенности. В предгорных и горных районах Восточного Казахстана это был северно-среднерусский тип, когда печь обращена челом к торцу дома и передний угол находится по диагонали от нее, у фасадной стены ¹⁴. В Южном Казахстане наблюдался южнорусский тип планировки: печь находилась против входной двери в одном из углов, а передний угол — по диагонали от нее у входа в это помещение. В Северном и Северо-Западном Казахстане имел место западнорусский, или белорусско-украинский, тип внутренней планировки, для которого характерно положение печи у входа, устьем ко входу, и переднего угла по диагонали от печи. В русских селениях на территории Киргизии исследователи отмечали бытование разных видов планировки — как западного и восточного вариантов южнорусского плана, так и западнорусского, а также северо-среднерусского ¹⁵.

В строительстве жилища в русских селениях Средней Азии и Казахстана в

1960—1970-е годы, как и в других местах, началось широкое использование новых строительных материалов. Наряду с домами из бревен и сырцового кирпича возводились стены из обожженного кирпича, употреблялись различные виды каркасных конструкций, в том числе с заполнением камышитовыми щитами. Нужно сказать, что в солончаковых районах, где быстро приходит в негодность любой стеновой материал, были известны так называемые пластовые дома — со стенами из пластин вырезанного и высушенного дерна, обмазанными глиной¹⁶.

Для покрытия кровли, наряду с известными прежде материалами, стали использоваться асбестоцементовые плитки, шифер, рубероид, кровельное железо и т. п. В последние десятилетия повсюду распространился дощатый пол.

Из-за стремления к увеличению числа комнат в доме и жилой площади в целом внутренняя планировка жилищ становилась менее четкой. Вместе с тем русская печь, хотя и модифицированная, продолжает бытовать. Небезынтересно также, что русская печь и разного вида голландские печи, заимствованные у русского населения, получили в указанное время определенное распространение в казахских и киргизских домах¹⁷. В интерьере у русских можно было увидеть принятые у коренного населения в качестве украшения ковровые изделия и вышивки¹⁸, а также низкий столик, широко известный у народов Средней Азии.

В отдельных русских селениях Средней Азии и Казахстана, как и на Кавказе, продолжалась традиция украшения дома деревянной резьбой. Например, в бывшем селе Русское (ныне г. Мархамат Андижанской обл.), где дома расположены по обе стороны от дороги и имели прежде выход на улицу, сохранялись обильно декорированные пропильной резьбой крыльца, балконы и другие детали¹⁹.

В Средней Азии и Казахстане проживают также дунгане — выходцы из северо-западных районов Восточной Азии. В 70—80-е годы XIX в. они поселились в пределах нынешней территории Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Жили компактными группами, преимущественно в одном селении. Проводившиеся в 1940-е годы исследования показали, что построенные вскоре после переселения постоянные жилища и бытовавшие в дунганских селениях в начале XX в. дома принципиально отличались от жилищ коренных народов указанных выше регионов. Жилища дунган несли в себе черты двух типов крестьянских построек, характерных для Северного Китая²⁰.

Так, отличительной особенностью любого дунганского дома являлась каркасная конструкция, состоящая из деревянных столбов и горизонтальных балок. Столбы служили опорой для крыши (она никогда не опиралась на стены и, в отличие от среднеазиатского жилища, не бывала совсем плоской), свободные промежутки каркаса заполнялись сырцовым (исключительно из глины) кирпичом. Своеобразный облик придавала специальная отделка края кровли, производившая впечатление загнутой ее кверху, а также резьба, украшавшая деревянные детали крытой галереи. Такие галереи имелись у домов так называемого городского типа, и элементы их декора содержали традиционную для китайцев благожелательную символику (персик, бамбук, гранат, летучая мышь и т. д.)²¹.

Для внутреннего устройства дунганского жилища был характерен кан — невысокое отопляемое возвышение, бывшее центральным местом в доме. Украшения интерьера также имели специфические черты: кан застилали китайскими коврами, стены над ним обивали шелком или цветной бумагой. Имелись сундуки, украшенные китайской росписью, китайские фарфоровые вазы, изящные рисунки на бумаге²².

К 1970-м годам жилище дунган приняло в целом стандартный облик. Это — дом на высоком фундаменте, со стенами из кирпича, с двух- или четырехскатной крышей, покрытой черепицей или железом. В помещениях настилаются деревянные полы, обогрев дома осуществляется посредством печей, иногда используется водяное отопление. Вместе с тем во многих домах сохранялась лежанка-кан: теплая (из кирпича) и холодная (из досок). Имело место и специфическое убранство интерьера, в котором, наряду с отголосками китайской культуры, заметны также заимствования у соседних среднеазиатских народов²³.

Живущие на Украине выходцы с Балкан — греки, болгары, албанцы, гагаузы — неоднородны (хотя и в разной степени) со своим восточнославянским окружением. Не представляют они и между собой этногенетического единства. Все перечисленные народы объединяют принадлежность в прошлом к Балканскому полуострову — специфическому историко-культурному региону, — а также в известной мере и их дальнейшая судьба. Рассматриваемые здесь болгары, албанцы и гагаузы (их всех называют задунайскими переселенцами) пришли с Балкан, где жили по соседству, в Южную Бессарабию в основном в начале XIX в., — а затем, в 1860-е годы, частично переселились в Приазовье. Греки, живущие ныне в Донецкой области, переселились в приазовские степи в последней четверти XVIII в. из Крыма.

Болгары, греки, албанцы, оказавшись в новых условиях, стремились воспроизвести жилища, строившиеся на их родине. В частности, этим определяется, как нам кажется, значительное разнообразие ранних построек. На новом месте сооружались дома наземные и углубленные в землю, со стенами из плетня, глины, пластин дерна и др., что отражало сложившиеся прежде и хорошо известные переселенцам традиции домостроительства.

Вместе с тем в числе ранних жилищ были и сложные для сооружения постройки. Переселенцы возводили их, невзирая порой на неблагоприятные местные условия. Так, несмотря на недостаток древесного материала, болгары в Бессарабии некоторое время строили плетневые дома, привычные на их родине²⁴. А греки — выходцы из Бахчисарайского района Крыма — делали срубы из древесных пластин, также известные по прежнему месту обитания²⁵. Деревянных домов строили мало, так как строительство их обходилось дорого и было нецелесообразным в степных условиях. Такие дома стали возводить лишь в первой половине XIX в.

У всех балканских выходцев как в Приазовье, так и в Бессарабии появились новые формы жилого дома. Сложившееся здесь жилище не повторяло в полном объеме ни одного из жилищ, бытовавших на родине переселенцев или в местах их прежнего жительства. Новые традиции домостроительства явились следствием как приспособления переселенцев к иным экологическим условиям, так и культурного взаимодействия с иноэтничным населением. Сформировавшись примерно к середине XIX в., эти традиции во второй половине XIX — начале XX в. реализовались в широком бытовании новой модели жилища.

Характерной особенностью строительной техники этого периода у интересующих нас групп в Южной Бессарабии и Приазовье стало использование глины в качестве основного материала²⁶. В сложившемся на новой территории жилище стены делали вальковые, из сырцового и обожженного кирпича (или из их комбинации). Крышу нередко покрывали черепицей. Стены непременно обмазывали глиняным раствором.

В процессе формирования жилого дома была воспринята такая деталь наружной отделки, как побелка стен глиной или известью. Как известно, это особенность украинского жилища: стены хаты непременно белились. Дома же греков, болгар и албанцев в Приазовье первоначально лишь обмазывались желтой глиной. Белить их стали в конце XIX — начале XX в. (в это время белили даже стены домов из обожженного кирпича). В ряде сел Приазовья, где побелка стен широко распространилась лишь в 1930-е годы, старожилы помнят, из каких именно соседних украинских и русских селений заимствовалась эта мода²⁷.

Наиболее выразительными в сопоставительной характеристике жилища групп балканского происхождения и жилища их восточнославянских соседей являются отопительное устройство и внутренняя организация жилого пространства. В Бессарабии и в Приазовье в разных видах домов у греков, болгар и албанцев на протяжении XIX в. и в начале XX в. бытовал кухонно-обогревательный комплекс, расположенный в середине дома. Он включал крытую хлебную печь, устье которой выходило в сени, а корпус — в жилую комнату; очаг, расположенный в сенях у устья печи, и прямой дымоход для вывода дыма над устьем печи и очагом. Срединное положение этого комплекса в доме определяло и особенности внутрен-

ней планировки жилищ греков, болгар, албанцев. Именно отопительное устройство и внутренняя планировка явились теми отличительными особенностями, которые выделяли жилища народов — выходцев с Балканского полуострова — от жилищ их восточнославянских соседей. В домах русских и украинцев в это время обычно (даже в тех случаях, когда они жили в болгарских или греческих селениях)²⁸ устраивались холодные сени и стояла русская печь, топившаяся из комнаты.

Знаменательно, что особенности внутренней планировки и отопительного устройства, бывшие в течение более столетия стойкими этнодифференцирующими признаками в жилище восточнославянских народов и выходцев с Балканского полуострова, стали сглаживаться в начале XX в. В результате усовершенствований в отопительной системе и развития планировки произошло сближение разных типов жилища, характеризующих различные группы этносов²⁹.

Непременной частью жилища всех выходцев с Балкан являлось глинобитное или дощатое возвышение, которое примыкало к корпусу крытой печи в жилой комнате. Такое возвышение (*одър* — у болгар; *софа, кревет* — у греков; *пат* — у албанцев и гагаузов) было центральным местом в жилом доме и исполняло много функций. Им пользовались в качестве спального места, там ели, выполняли домашние работы, принимали гостей (если для этого не имелось специального помещения) и т. д.

При строительстве новых домов потомки выходцев с Балкан, как и их соседи, стали использовать камень, шлакоблок, силикатный кирпич, шифер, листовое железо, древесный материал для пола. Тем не менее в 1970—1980-е годы материалы из глины оставались преобладающими в их постройках. Как и прежде, в большом ходу были сырцовый и обожженный кирпич, черепица. Стены подвергались обмазке глиной — если не с обеих сторон, то с внутренней стороны обязательно. Продолжала бытовать побелка наружных стен, однако дома, облицованные кирпичом, как правило, оставляли непобеленными, украшая детали фигурным, иногда в два цвета, кирпичом. Распространилась также облицовка цементом с нанесением на поверхность стены узора посредством трафарета.

Обычными стали постройка дома на фундамент, дощатый пол и либо подшивной, либо оштукатуренный потолок. Беспотолочная конструкция крыши, характерная для прежних жилых землянок (бурдей), сохранялась лишь иногда в летних кухнях.

Старую отопительную систему, характеризующую жилища всех групп балканского происхождения XIX — начала XX в., еще можно было встретить в домах прежней постройки в 1960—1970-е годы. Экспедиционные же исследования начала 1980-х годов в Приазовье показали, что во всяком случае в этом регионе уже совсем не осталось домов с печью и очагом с прямым дымоходом, помещенным в сенях. Для обогрева и приготовления пищи в доме использовали духовые печи новых конструкций, плиты, голландки. Печь для выпечки хлеба могла находиться в летней кухне или во дворе под открытым небом.

Вместе со специфическим отопительным устройством отошло в основном в прошлое и возвышение (либо из глины, либо дощатое), бывшее неременной частью интерьера. В жилищах болгар в Приазовье *одър* уже не бытовал в начале XX в.; спальным местом стала деревянная кровать³⁰. В домах потомков задунайских переселенцев на территории бывшей Бессарабии глинобитные возвышения, хотя и не повсеместно, но продолжали сохраняться как в середине XX в., так и позднее. Софа оказалась наиболее устойчивым атрибутом домов греков, живших в Донецкой области. Еще в начале 1970-х годов, хотя и в редуцированном виде, софа по существу продолжала быть принадлежностью греческого жилища. Во вновь строившихся домах в то время также находили в доме место для традиционной софы³¹.

Красочное украшение интерьера декоративными тканями домашнего изготовления — шелковыми и шерстяными — в последние десятилетия в Приазовье и в Одесской области можно было встретить не часто. По прежней моде, бывает, украшают свой дом или комнату люди старших поколений. Однако у некоторых

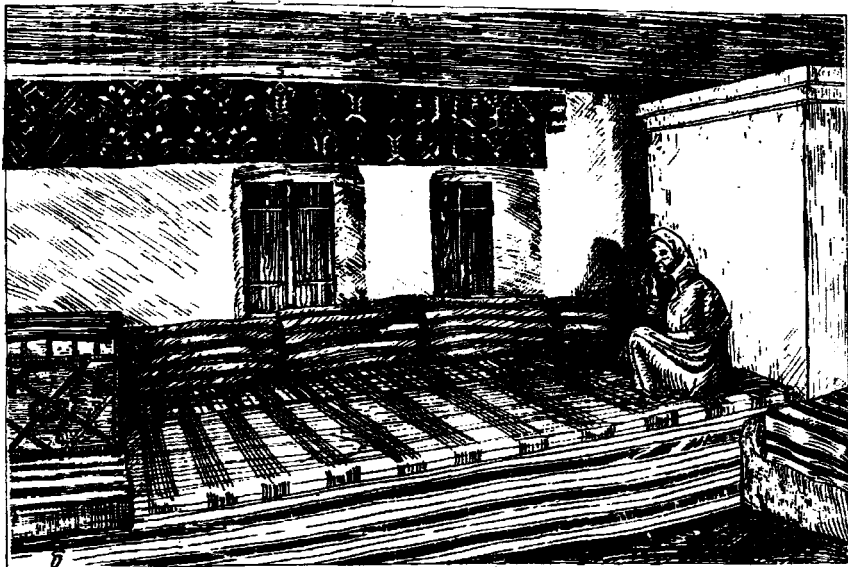


Рис. 3. Интерьер жилой комнаты с софой у греков Донецкой области, Украина. Прорисовка М. Р. Семашкевич с фотографии 1930 г. из Мариупольского краеведческого музея

жителей болгарских и албанских селений в сундуках хранятся выполненные прежде тканые полотенца и скатерти, ковры и продолговатые подушки из шерсти (см., например, реконструкцию парадной комнаты первых десятилетий XX в., сделанную по нашей просьбе в албанском доме в с. Жовтневое Одесской области)³². Остались еще отдельные мастерицы, изготавливающие предметы домашнего убранства. При украшении жилища тканями и коврами фабричного производства у всех рассматриваемых народов можно обнаружить приверженность к традиционному их расположению в доме, характеру рисунка и цветовой гамме.

Поскольку жилище компактных этнических групп балканского происхождения, живущих на Украине, рассматривалось нами вместе, возникает вопрос о соотношении жилища отдельных групп, тем более что они представляют различные по происхождению этносы. Бытовая культура народов, части которых откололись в разное время от основного этнического массива и различными путями появились на территории Украины, естественно, имели и имеют существенные общие и локальные различия, хотя и находятся в пределах одного культурно-исторического региона.

Общность же в культуре на основе прежде всего болгарского компонента, отмечавшаяся у задунайских переселенцев еще Н. С. Державиным³³ и наблюдавшаяся позднейшими исследователями³⁴, объясняется исторической судьбой этих групп. Все они, как говорилось выше, одновременно пришли из Болгарии, где жили в тесном соседстве на протяжении достаточно длительного времени (албанцы, например, покинули свою родину не менее чем за два столетия до переселения в Бессарабию). Сложившаяся или начавшая складываться в Болгарии культурная общность разных народов получила развитие на территории Российской империи, где переселенцы оказались в иноэтническом окружении, что, естественно, способствовало усилению интеграционных процессов в их среде. В результате в сложившемся на новом месте обитания во второй половине XIX — начале XX в. жилище и в строительстве последней четверти XX в. у потомков задунайских колонистов на первый план выступают региональные особенности. Иными словами, разнятся отдельные элементы жилища не у болгар, албанцев и гагаузов, живущих в Приазовье и в Одесской области, а скорее между болгарами (или албанцами) этих двух районов. Подобные различия можно найти либо в степени

развития открытой галереи, либо в быстроте замещения земляного пола деревянным и т. д., но не в принципиальных типобразующих признаках.

В отношении определения греческого жилища (имеется в виду Донецкая область) можно сказать, что оно стоит несколько особняком у балканских выходцев, живущих на Украине. Это касается как ранних форм домостроительства, так и формирования отдельных деталей жилого дома (в частности, интерьера). Однако по своему типу жилище, сложившееся в греческих селениях, не отличалось от подобного жилища задунайских переселенцев.

Из живущих в пределах нынешней Украины народов ближе всех в этногенетическом отношении к восточнославянским соседям стоят болгары, относящиеся к южной ветви славян. Вместе с тем ни на ранних этапах переселения, ни позже, когда формировалась новая модель жилища этих групп на новом месте обитания, славянские корни не сыграли в культурно-бытовом развитии скольконибудь важной роли. Регионально-историческая близость выходцев с Балкан оказалась в данном случае наиболее выразительной. Даже имевшее место в начале XX в. сглаживание различий в области строительства жилищ, более столетия бывших этнодифференцирующими у восточнославянских народов и компактных групп балканского происхождения, представляется нам не следствием непосредственных контактов или заимствований, а скорее всего результатом процесса, протекающего в более широких пределах и характеризующего общий ход развития европейского жилища. Превращение холодных сеней в теплое помещение имело место (в разное время) у различных народов Европы³⁵.

На Украине имеются компактные поселения другого славянского народа — поляков, относящихся к западнославянской ветви. Их жилища имеют иной характер. Так, в Полесье в условиях иноэтнического окружения крестьянское жилище в польских селениях — это такие же, как и у украинцев, срубы³⁶. Планировка их также однотипна: двухкамерное жилище — «хата—сени» и трехкамерное — «хата—сени—комора». Дома строились без фундамента и с земляным полом (в польском с. Рудня Калиновская Малинского района деревянный пол настилали в сенях, где принято было хранить хлеб)³⁷. Как и украинцы, поляки делали в своих хатах помост для спанья, а в сенях сооружали дымарь для вывода дыма. Вместе с тем интерьеры польского и украинского домов имели некоторые различия. Если у украинцев, например, иконы висели в переднем углу, который располагался строго по диагонали от печи, то у поляков образа вешали вдоль всей торцевой стены, к улице.

Следует сказать, что для традиционного жилища в украинских и польских селениях было характерно украшение стен декоративными полотенцами; употреблялась также самодельная мебель, украшенная народным орнаментом.

Жилища народов, живущих на Полесье, на последнем рассматриваемом нами этапе, характеризуются постановкой дома на фундамент и наличием деревянного пола во всех помещениях, обшивкой сруба тесом и окраской его. Соломенная и драночная кровля заменены, как правило, покрытием из шифера, жести или черепицы. К дому пристраивается застекленная веранда. При сохранении традиционной планировки увеличивается размер помещений и меняются их функции. Прежде всего выделяется кухня в сенях.

Таким образом, при рассмотрении параллели «поляки—украинцы» в Полесье как в XIX — начале XX в., так и в 70-е годы XX в., мы видим значительную общность в жилище.

Представители трех восточнославянских народов — русские, украинцы и белорусы — имеют компактные поселения на основной этнической территории друг друга. Их бытовая культура как в силу общности происхождения, так и в силу длительных тесных контактов, характеризуется значительной близостью. Вместе с тем культура каждого из восточнославянских народов имеет свои специфические особенности. В местах же совместного компактного проживания развитие культурных явлений, в том числе жилища, приобретает особый характер. В данном случае мы остановимся преимущественно на жилище русских на Украине, как на наиболее изученном³⁸.

Основная масса русских сел в восточных районах Украины сформировалась в XVII—XVIII вв., а в южной части — в XVIII—XIX вв. Их население было главным образом выходцами из центрально-черноземных губерний (Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской), а также и из более северных — Владимирской, Костромской, Ярославской и других губерний России. В социальном отношении русские переселенцы представляли собой весьма неоднородную массу. Среди них были государственные, помещичьи и монастырские крестьяне. Особые группы русского населения составляли однодворцы и казаки. В конфессиональном отношении русские переселенцы также не представляли единства. Наряду с православными среди них были составлявшие отдельные селения старообрядцы и сектанты (духоборцы, молокане).

Среди ранних жилищ переселенцев, о которых имеются данные, большое место занимали так называемые землянки. Это было своеобразное жилище, не всегда углубленное в землю, с глинобитными или из сырцового кирпича стенами и с крышей беспотолочной конструкции. Верхняя слегка такой кровли, состоящей из жердей и других материалов, покрытых землей, опиралась на вершины треугольников, образованных двумя торцовыми стенами³⁹. Под названием «землянка», «бурдей», «бордей», «бурдейка» такое строение в качестве жилья бытовало в течение всего XIX и начала XX в. у многих народов юга Украины⁴⁰. Позднее оно также встречалось, часто в качестве летней кухни на усадьбе.

Из капитальных построек в русских селениях значительное распространение получили срубные дома. В большинстве селений лесостепной зоны наиболее старым способом возведения стен дома и хозяйственных построек служила срубная техника (бревна соединялись по большей части рубкой «в угол», реже — «в замок»). В некоторых селениях знали и столбовую технику⁴¹. Следует сказать, что по мере оскудения лесов срубы делали из материала худшего качества или из расколотых пополам бревен, а также из привозного леса. Однако срубная техника продолжала бытовать (хотя порой наряду с распространением иного вида строительства).

В южных и юго-западных районах Украины в русских, как и в украинских, селениях, а также в селениях живших там других народов были широко распространены бескаркасная глиносоломенная, турлучная и каменная конструкции стен. Но и там в отдельных русских поселениях строили рубленые дома. Деревянное строительство наблюдалось, в частности, у старообрядцев в Подольской губернии или на границе с Бессарабией (в последнем случае часть бревенчатых домов был перевезена с прежнего места жительства)⁴². Небезынтересно отметить, что в некоторых белорусских селениях Приазовья, где в строительстве также господствовали материалы из глины (например, Михайловский район Запорожской области), строили срубные дома из бревен⁴³.

В подавляющем большинстве своем русское жилище на Украине в XIX — начале XX в., как и в украинских селениях, а также в южнорусской полосе, было наземным без подклета. Полы, как правило, полагалось делать либо земляными, либо глинобитными, что тоже вполне соответствовало традициям как украинско-го, так и южнорусского жилища.

Самое широкое распространение на территории Украины имела четырехскатная соломенная крыша. Основная конструкция ее была стропильной. Характерно, что при разнообразии бытующих у русских и украинцев способов покрытия соломенной кровли, в русских селениях отдельных областей Украины отмечается приверженность к традициям, известным по России⁴⁴.

Отличительная черта восточнославянского жилища — это холодные сени. Такие сени можно было обнаружить как в двухкамерных, так и в трехкамерных постройках XIX — начала XX в. Вместе с тем в начале XX столетия наблюдается тенденция к созданию кухни в задней части сеней с поворотом устья или переносом всего корпуса печи в сени.

У русских на Украине был распространен украинско-белорусский тип внутренней планировки дома, при котором печь расположена у входа из сеней и

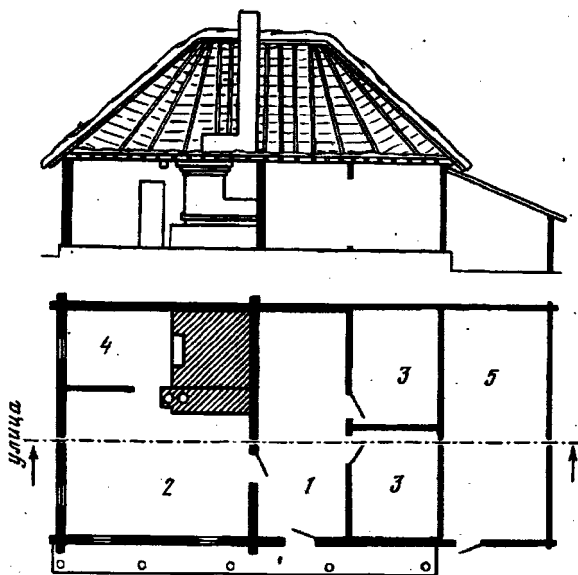


Рис. 4. Разрез и план дома конца XIX в. у русских села Новопокровка Харьковской обл., Украина. 1 — сени, 2 — хата, 3 — клеть, 4 — кухня, 5 — сарай

обращена устьем к входу, а передний угол, как всегда, находится по диагонали от печи, что является важным типологическим признаком восточнославянского жилища. Вместе с тем нам представляется справедливым замечание Л. Н. Чижиковой о том, что для русских поселений такая планировка вторична и является результатом влияния украинской культуры. Селения эти формировались в XVII—XIX вв., когда на родине русских переселенцев бытовали другие виды планировки. Показательно, что в наше время в отдельных старых домах был зафиксирован северно-среднерусский внутренний план (печь, расположенная у входа, направлена устьем к противоположной фасадной стене), а также южно-великорусская планировка⁴⁵.

Влиянием украинского жилища на постройки в русских селениях следует, очевидно, считать и прочно укоренившуюся обмазку и побелку наружных стен дома, и устройство неширокой открытой галереи, и постановку дома не по красной линии улицы, как это было принято в России, а за забором в некотором отдалении от улицы с преимущественной ориентацией окон на солнце.

Для жилища русских на Украине в 1960—1970-е годы, как и для жилища других народов, были характерны значительные усовершенствования. Дом любой конструкции непременно ставился на фундамент, настилались деревянный пол и потолок. Для стен, наряду с традиционными, использовались новые материалы, причем нередко прибегали к их комбинации (обожженный кирпич обкладывается силикатным либо сруб облицовывается кирпичом). Вновь строившиеся дома, как правило, бывали многокомнатными, а в построенных прежде обычно выделялось большое число помещений. Русская печь, часто модифицированная и в сочетании с другими отопительными устройствами, продолжала быть характерной для жилища русских и украинцев, но ее часто ставили в летней кухне. Украшение интерьера вышитыми полотенцами, наряду с более современными способами декора, еще продолжало широко бытовать в русских и украинских селениях Украины⁴⁶.

Разнообразной стала тогда и внешняя отделка дома. Вместе с тем продолжала сохраняться побелка дома глиной или известью — как снаруж, так и внутри. Характерно, что во многих русских селениях принято, как и прежде, украшать несложной резьбой деревянные детали дома: наличники окон, фронтоны, крыльцо, карнизные доски и т. д.⁴⁷.

Рассмотрение жилища комнатных этнических групп, живущих в иноэтническом окружении, с точки зрения формирования культурно-бытовой традиции приводит нас к следующим выводам.

1. Прежде всего можно отметить, что формирование жилища всех представленных здесь этнических групп, которые при разных обстоятельствах оторвались от своего этноса и попали в разную иноэтничную среду, прошло определенные этапы развития. Начальный этап (на какое бы столетие он ни приходился и в каком бы регионе он ни протекал) характеризуется наличием весьма разнообразного (по существу сыгравшего роль временного) жилища.

Примечательно, что домостроительство начального периода отмечено отдельными техническими приемами и конструкциями, свойственными традиционному жилищу метрополии или последующего места жительства этнической группы. Так, в зоне глинобитного строительства болгары делали сначала плетневые дома; многие группы русских, а также греки из Бахчисарайского района пытались воспроизвести срубные постройки и т. д. Вместе с тем начальный этап включает и архаические формы, имеющие широкие ареалы во времени и пространстве (например, землянки, полуземлянки), приемы сооружения которых, находясь как бы в арсенале народной памяти, приходят на помощь в трудные моменты жизни народа и вообще при временном поселении.

Связанный с сооружением первого пристанища начальный этап домостроительства, переходящий в поиски наиболее приемлемого постоянного жилища, завершается выработкой такой формы дома, которая, совершенствуясь в течение какого-то времени (неодинакового в разных случаях, но не очень длительного — в пределах нескольких десятилетий), в итоге становится традиционной для данной группы в новом месте ее обитания.

Понятие традиционности, как известно, весьма многозначно и относительно. Вместе с тем сформировавшиеся под воздействием ряда факторов особенности культуры, в том числе в народном зодчестве, обладающие к определенному времени (несмотря на те или иные постоянные изменения) характерными и достаточно стойкими чертами, начинают восприниматься окружающими и самими их носителями как нечто привычное, свойственное определенному населению. Именно в этом смысле традиционным, как мы думаем, можно считать и такое жилище каждой из рассматриваемых групп, которое сформировалось и стало воспроизводиться на новой территории.

Важно отметить, что лишь в некоторых случаях (когда группа оказывалась в подобных прежним природным условиях, а также в силу особой консервативности быта) сохранялась модель традиционного по предыдущему поселению жилища, например срубное жилище у бухтарминских старообрядцев в Восточном Казахстане или у старообрядцев на границе с Бессарабией, а также у белорусов в Приазовье. Хотя и здесь речь идет о сохранении именно типа дома, так как могут измениться используемые при строительстве породы деревьев, характер или материал фундамента и прочие детали.

Вместе с тем, как показало исследование, жилище, сложившееся у разных компактных групп на новой территории, обладало специфическими особенностями, характерными в той либо иной мере для прежней традиционной модели дома данной группы. Независимо от времени сложения нового традиционного жилища, это наблюдалось у всех рассмотренных групп еще в конце XIX — начале XX в. Хотя в типологическом отношении жилища этнических общностей, о которых идет речь, в основном были различны, на определенном этапе в разных регионах (материалы 1960—1970-х годов фиксируют это) у них появились общие черты. В домах, строившихся разными народами, распространились новые, одинаковые материалы, используемые для стен и крыши; традиционно бывшие наземными жилища получали вертикальное развитие в виде сооружения фундамента, дощатого пола или нижнего этажа. Усовершенствовались прежние отопительные

системы, а также появились газовые плиты, водяное отопление. Существенные изменения произошли в функциональном использовании жилища и членении его помещений. Правда, некоторые из указанных изменений начали формироваться ранее, еще в рамках традиционного жилища конца XIX — начала XX в. (например, многокомнатность, усовершенствование отопления и др.), однако массовое распространение они получили в указанное время.

Вместе с тем общие явления в жилищах разных народов, распространившиеся во многом в силу расширения и увеличения контактов разного рода (они способствовали нивелировке сельского жилища в целом), все же не исключали их своеобразия, основывающегося на сохранении в тех или иных элементах дома традиционных особенностей (преимущественное использование древесных или глиняных материалов, побелка стен, сохранение русской печи, «греческой софы» или кана у дунган, специфическое убранство интерьера и др.).

Таковы в целом этапы, общие для развития жилища рассмотренных компактных этнических групп разного происхождения.

2. Наиболее выразительным для типологического сопоставления компактной группы с окружающим населением является конец XIX — начало XX в. — время еще сохранявшегося традиционного жилища коренного населения и ставшего традиционным на новой территории жилища компактной группы.

У народов, находящихся в близком этногенетическом родстве (в качестве таковых рассматривались, например, русские среди украинцев на Украине), традиционные жилища характеризовались значительным сходством. Это касается разных элементов дома. У ряда групп русских переселенцев отмечалось тяготение к срубному строительству из бревен; украинцам подобная техника, причем на обширной территории, также была хорошо известна. Такие типобразующие признаки восточнославянского жилища, как холодные сени в двух- или трехкамерном доме, определенная организация внутреннего пространства дома, при которой передний угол всегда находится по диагонали от русской печи (как и само наличие русской печи), также неизменно прослеживались у русских и украинцев.

Хотя в русском жилище на Украине, как видно, некогда имели место попытки воспроизвести северно-среднерусский и южновеликорусский внутренний план дома, самое широкое распространение все же получила белорусско-украинская планировка. Причем в подобном изменении можно усматривать влияние среды окружения, оно состоялось, как мы видим, в пределах одной типовой модели, имеющей варианты.

У компактной группы и у окружающего населения, представленных менее близкими народами, мы не обнаружили достаточно однозначной картины. Так, если в жилище поляков и украинцев Полесья было много общих моментов, идущих как от восточнославянского, так и от западнославянского домостроительства, то болгарское жилище в Бессарабии или в Приазовье представляло собой иной тип, нежели жилище соседних славян — украинцев и русских. При совпадении ряда внешних элементов жилище этой группы и жилище окружающего населения принципиально различались внутренней организацией дома и отопительным устройством. Болгарское жилище тяготело к южноевропейскому типу дома. Важно заметить, что оно было идентичным с жилищем албанцев и гагаузов, которые в этногенетическом отношении не составляли единства ни между собой, ни с болгарами, однако все указанные группы вышли из одного культурно-исторического региона и были тесно связанными в течение длительного времени. Сюда же по основным типологическим признакам примыкает и жилище греков Приазовья — также потомков выходцев с Балканского полуострова.

Традиционные жилища компактной группы и окружающего населения, далекие друг от друга по происхождению, оказались определенно разнородными, относящимися к разным моделям жилища. В использовании материала и техники строительства здесь отмечаются разнообразные «компромиссы», свидетельствующие о той или иной степени адаптации переселенцев к новым экологическим и

социальным условиям. Так, болгары, строившие сначала плетневые дома, перешли затем к бескаркасным конструкциям из глиняных материалов. Многие группы русских, оказавшись в Средней Азии и Казахстане или на Кавказе, используя менее качественный лес, чем на родине, стали обмазывать дома глиной или прибегать к столбовой технике. Дунгане продолжали делать каркас, на котором держалась крыша (особенность северокитайского жилища), однако при заполнении стеновых проемов прибегали к местным глиняным материалам и т. д. Основными же этнодифференцирующими признаками в жилище, определяющими и его различные типы, явились отопительное устройство и внутренняя организация дома. Это мы наблюдали в рассмотренной ситуации «балканские выходцы — украинско-русское окружение». Жилище дунган резко отличалось от жилища соседних киргизов и казахов, кроме всего прочего, системой отопления и наличием лежанки — кана, исполняющей особую функцию в доме.

В жилище русских среди среднеазиатских народов и в Закавказье, в свою очередь, везде присутствовала русская печь и неизменно соблюдалось диагональное расположение печи и переднего угла. Этим русское жилище принципиально отличалось от жилища окружающих народов, пользующихся иными способами обогрева дома и иначе организующих жилое пространство. Примечательно, что для русского жилища в разных районах стало характерно преобладание белорусско-украинского типа планировки, что может объясняться, на наш взгляд, помимо непосредственно украинского влияния, которое могло иметь место, например, в Средней Азии и Казахстане, ходом развития русского жилища за пределами этнической территории.

Явлением подобного рода, правда, уже на уровне разных типов жилища, нам представляется ситуация (о ней шла речь) с изменениями, типологически сближающими жилище русских и украинцев на Украине, с одной стороны, и балканских выходцев — с другой. В этом случае разные группы народов, как мы думаем, попали в орбиту более широких процессов развития жилища.

В целом с учетом рассмотрения этапов развития жилища компактных этнических групп и сопоставления на типологическом уровне их традиционного жилища и среды окружения можно сказать, что эта часть материальной культуры оторвавшегося от своих этнических массивов населения оказалась весьма динамичной. Жилище рассматриваемых групп претерпело, как правило, значительно больше изменений, чем жилище окружающего их населения за то же время. Причем изменения эти были тем радикальнее, чем разнороднее были взятые группа и среда.

Вместе с тем нельзя не признать, что степень однородности, или этногенетическая близость групп и среды их окружения, которую мы пытались использовать как исследовательский прием при анализе материала, отнюдь не всегда оказывалась решающей в формировании жилища у переселенцев и их потомков. Жилище одного типа развивалось у близких в этногенетическом плане групп и среды окружения в том случае, если эта близость сочеталась с историко-культурной общностью. В противном случае их жилище, как правило, имело разные модели. Народы же, далекие по своему происхождению, но объединенные на длительное время исторической судьбой, могли выработать общие формы культуры и обрести таким образом близость историко-культурную или культурно-бытовую, обеспечивающую, как мы убедились, и общие стереотипы в вопросах домостроительства. Приведенные материалы, как мы думаем, свидетельствуют о том, что при всей сложности формирования жилища в рассматриваемых ситуациях решающим фактором в типологической общности или отдаленности формирующегося жилища группы и среды окружения является их культурно-бытовая однородность, которая может как совпадать, так и не совпадать с этногенетическим родством.

3. Анализ приведенных материалов позволяет, на наш взгляд, сделать и другие, более общие выводы. В частности, хотелось бы обратить внимание на то, что развитие жилища компактных этнических групп, оторвавшихся от своей этнической среды, характеризуется изменчивостью (в той или иной мере — в

зависимости от ситуации) его типовых моделей в данной области культуры. Компактные группы, находясь в иноэтническом окружении, оказались способными создать новые, ставшие традиционными модели жилого дома. Все это еще раз подтверждает известное, но всегда актуальное для этнографической науки положение о временной обусловленности и динамичности понятия «традиционная культура».

Представляет интерес и рассмотрение традиций, обеспечивающих то или иное развитие модели жилого дома, с точки зрения их характера. Конкретный материал, включенный в данную работу, дает, как нам кажется, выразительные примеры того, как традиция, функционируя на протяжении того или иного времени и расширяя или сокращая сферу своего действия, из локальной превращается в более широкую или же, наоборот, общая традиция сужается до локальной. Такая изменчивость, которая в данном контексте может рассматриваться на уровне соотношения этнической и региональной традиции, свидетельствует как о присущей традиции вариативности в процессе ее развития, так и о диалектике общего и особенного в бытовой народной культуре.

Примечания

¹ В качестве основания для рассмотрения жилища этих групп мы будем пользоваться проведенными в последние годы исследованиями в Азербайджане (с. Ивановка Исмаиллинского района, с. Хильмылли Шемахинского района) и Грузии (группа селений в Ахалкалакском районе — Орловка, Гореловка, Спасовка, Богдановка, Тамбовка, Калинино). Материалы в селениях Грузии собраны в 1988 г. и любезно предоставлены автору С. А. Иниковой. Данные в Азербайджане собраны автором в 1987 г. См. Архив Института этнографии (далее — АИЭ), соответствующие фонды.

² АИЭ. Материалы автора. 1987. Тетр. 1. Л. 2.

³ Там же. Научный отчет об экспедиции С. А. Иниковой. 1988. С. 15.

⁴ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. С. 242.

⁵ АИЭ. Материалы автора. 1987. Тетр. 2. Л. 26, 29, 34.

⁶ Там же. Научный отчет об экспедиции С. А. Иниковой. 1988. С. 17.

⁷ Там же. Материалы автора. 1987. Тетр. 1. Л. 75—77.

⁸ Там же. Л. 84.

⁹ Там же. Научный отчет об экспедиции С. А. Иниковой. 1988. С. 18, 22.

¹⁰ Исследования русских (и более широко — восточнославянских) поселений на этой территории содержатся в этнографических трудах: *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; *Бежкович А. С., Могилянская С. М.* Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1929; *Аргынбаев Х.* Краткий очерк материальной культуры переселенцев из России в Казахстан (по материалам Восточного Казахстана, вторая половина XIX — начало XX в.) // *Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии.* Т. 16. Алма-Ата, 1962; *Станюкович Т. В.* Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана // *Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.* М., 1969.

¹¹ См.: *Станюкович Т. В.* Указ. раб. С. 242—244.

¹² Там же. С. 249.

¹³ См.: *Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П.* Указ. раб.

¹⁴ Там же. С. 247.

¹⁵ *Станюкович Т. В.* Указ. раб. С. 265—266.

¹⁶ Там же. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 260.

¹⁸ *Брусина О. И.* Особенности материальной культуры восточнославянского старожильческого населения Узбекистана // *Проблемы изучения традиций в культуре народов мира.* Вып. 1. М., 1990. С. 91.

¹⁹ Там же. С. 90.

²⁰ См.: *Чебоксаров Н. Н.* Дунганская экспедиция // *Крат. сообщ. Ин-та этнографии.* 1947. № 3. С. 24—34;

Стратанович Г. Г. Отчет об экспедиции к дунганам Киргизии // *Там же.* С. 34—41.

²¹ *Стратанович Г. Г.* Указ. раб. С. 37.

²² *Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. С. 31.

²³ *Решетов А. М.* О соотношении традиционной и современной культуры дунган // *Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.* Ч. 1. М., 1974. С. 117—118.

²⁴ *Маркова Л. В.* Поселения и жилища болгар-переселенцев в Бессарабии // *Кратк. сообщ. Ин-та этнографии.* 1955. № 24. С. 6.

²⁵ *Будина О. Р.* О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья // *Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году.* Ч. 2. М., 1972. С. 197.

²⁶ К середине XIX в., например, уже почти половина построек болгарских колонистов представляла собой глинобитные жилища, тогда как в «Статистическом описании», характеризующем состояние на

первую четверть XIX в., о них не упоминается. См.: Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 326; Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана сего края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 г. Аккерман, 1899. С. 27.

²⁷ АИЭ. Записи автора. 1973. Тетр. 1. Л. 68—70.

²⁸ Там же. Записи автора. 1973. Тетр. 1. Л. 67.

²⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 156—157; Чижигова Л. Н. Жилище русских // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979. С. 48—49.

³⁰ Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). София, 1914. Т. 1. С. 81.

³¹ Будина О. Р. Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР) // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 119. Рис. 14, 15.

³² Будина О. Р. Жилища болгар, греков, албанцев // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. С. 140.

³³ См.: Державин Н. С. Указ раб.; его же. Болгарские колонии в России. Петроград, 1915. Т. 2; его же. Албанцы-арнауты в Приазовье // Советская этнография (далее — СЭ). 1948. № 2.

³⁴ См.: Маркова Л. В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // СЭ. 1974. № 1; Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине (историко-этнографический очерк). Киев, 1975; Маруневич М. В. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980; Иванова Ю. В. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX в.) // СЭ. 1981. № 4; Будина О. Р. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии) // СЭ. 1984. № 2 и др.

³⁵ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 50, 53, 65—66, 158—169, 197—200.

³⁶ Наулко В. И. Указ. раб. С. 204—206.

³⁷ Там же. С. 205.

³⁸ Исследованию жилища русских на территории Украины и в контактных зонах посвящены специальные работы: Чижигова Л. Н. Жилище русских // Материальная культура компактных этнических групп на Украине; ее же. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционной бытовой культуры XIX—XX века. М., 1988; Наулко В. И. Указ. раб. и др.

³⁹ Чижигова Л. Н. Жилище русских... С. 35.

⁴⁰ См.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины; Материальная культура компактных этнических групп на Украине.

⁴¹ Чижигова Л. Н. Жилище русских... С. 17.

⁴² Там же. С. 18.

⁴³ Наулко В. И. Указ. раб. С. 165.

⁴⁴ Чижигова Л. Н. Жилище русских... С. 78.

⁴⁵ Там же. С. 57—58.

⁴⁶ Там же. С. 65.

⁴⁷ Там же. С. 29.

House-building traditions of ethnic enclaves in foreign surroundings

House-building traditions of any compact ethnic group are formed in close relation with its unique history. The author singles out several factors exerting perceptible influence on the house-building fashions, such as the time period of dwelling in the area, proximity of neighbours and the character of the group's relationships with them.

O. R. Budina